

ленис суда о прекращении производства по делу в связи с отказом истца от иска или утверждением мирового соглашения сторон. Предлагается дополнить указанную норму положением, предусматривающим, что определение о судебном приказе, вступившее в законную силу, является основанием для отказа в возбуждении дела между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям.

Подытоживая изложенное, следует также сказать о необходимости совершенствования и других положений, регулирующих приказное производство, в частности, определяющих содержание определения о судебном приказе, порядок извещения должника о поступившем против него в суд заявлении о возбуждении приказного производства, права должника на своевременное представление доказательств.

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (вместе с Положением о третейском суде): Кодекс Республики Беларусь, 11 янв. 1999 г., № 238-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 1999. — № 18—19. — 2/13.
2. О практике рассмотрения судами заявлений в порядке приказного производства: постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 29 июня 2006 г., № 4 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2006. — № 109. — 6/480.
3. Коршунов, Н.М. Гражданский процесс: учеб. для вузов / Н.М. Коршунов, Ю.Л. Мареев. — М: Норма, 2006.
4. Гражданский процесс: учеб. / М.К. Треушников [и др.]: под ред. М.К. Треушникова. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Новый Юрист, 1999.
5. Фурсов, С.Я. Сравнительный анализ гражданских процессуальных кодексов России и Украины / С.Я. Фурсов // Заметки о современном гражданском и арбитражном процессуальном праве: под ред. М.К. Треушникова. — М.: Издат. дом «Городец», 2004.
6. Тихиня, В.Г. Гражданский процесс: учеб. / В.Г. Тихиня. — Минск: Право и экономика, 2004.
7. Лебедев, М.Ю. Гражданский процесс: учеб. для вузов и ссузов / М.Ю. Лебедев. — М.: Юрайт: ИД «Юрайт», 2010.
8. Решетникова, И.В. Доказывание в гражданском процессе: учеб.-практ. пособие / И.В. Решетникова. — М.: Юрайт: ИД «Юрайт», 2010.
9. Женетль, С. Некоторые проблемы упрощенного производства / С. Женетль, Н. Чучунова // Арбитражный и гражданский процесс. — 2005. — № 12.
10. О некоторых вопросах нотариальной деятельности: Указ Президента Респ. Беларусь, 11 авг. 2011 г., № 366 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2011. — № 93. — 1/12779.

Статья поступила
в редакцию 30.05. 2012 г.

В.В. ХИЛЮТА

ПРОБЛЕМЫ ДОКТРИНАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

При анализе гл. 25 УК Республики Беларусь (далее — УК) и входящих в нее общественно опасных деяний в среде ученых и практических работников нередко встает вопрос не только об определении непосредственных объектов преступлений, содержащихся в данной главе, но и о необходимости

Вадим Владимирович ХИЛЮТА, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного права и криминологии Гродненского государственного университета им. Я. Купалы

ти выявления их общих признаков, в связи с которыми эти преступления были помещены в одну главу. Что же заставило законодателя объединить в одной главе УК такие нормы, как контрабанда, невозвращение на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей, незаконная предпринимательская деятельность, приобретение либо сбыт материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем, ложное банкротство, дискредитация деловой репутации конкурента, коммерческий подкуп, подделка знаков почтовой оплаты и т. д.? Ответ на столь риторический вопрос, казалось бы, очевиден — общий для всех этих норм объект преступления. В то же время в науке уголовного права до сих пор нет единого мнения о том, что же все-таки охраняют нормы об ответственности за преступления против порядка осуществления экономической деятельности.

В качестве одного из мероприятий выступает Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 672, предусматривающая проработку вопроса о декриминализации отдельных преступлений против собственности и порядка осуществления экономической деятельности. Эту меру можно объяснить тем, что количество фиксируемых преступлений в сфере экономической деятельности крайне невелико.

Например, в 2010 г. в республике было зарегистрировано 3 248 преступлений против порядка осуществления экономической деятельности. Причем большая часть из них приходится на изготовление, хранение либо сбыт поддельных денег или ценных бумаг (1 605 случаев), нарушение правил о сделках с драгоценными металлами и камнями (315 случаев), незаконную предпринимательскую деятельность (331 случай), уклонение от уплаты сумм налогов, сборов (321 случай). Однако есть и составы преступлений, которые вообще не применяются в уголовно-правовой практике или же применяются крайне редко. В этой связи проиллюстрируем на конкретных примерах реальное состояние обоснованности существования ст. 25 УК и входящих в нее составов преступлений.

Начнем анализ некоторых уголовно-правовых норм «экономической» направленности с состава *контрабанды* (ст. 228 УК). По своей антисоциальной сущности контрабанда — экономическое преступление, совершаемое в обширной сфере внешнеэкономической деятельности государства, юридических и физических лиц. Криминальная сущность контрабанды проявляется в том, что она является необходимым слагаемым, одним из основных элементов такого крупномасштабного и широко разветвленного явления, как «теневая экономика» [1, 7]. Социальные последствия контрабанды лежат в плоскости различных групп общественных отношений и выявляют широкий спектр ее социально опасных проявлений, что определяет и характеризует специфические черты повышенной общественной опасности данного преступления.

Как известно, большинство криминалистов рассматривают объект контрабанды как установленный порядок перемещения товаров и иных предметов (ценностей) через таможенную границу. Вместе с тем дополнительными объектами контрабанды, в зависимости от вида незаконно перемещаемого товара, могут стать здоровье населения, общественная безопасность, интересы государства и т. д. Об этом можно говорить, обратившись к ч. 2 ст. 228 УК, в которой установлена ответственность за «перемещение через таможенную границу Республики Беларусь наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, радиоактивных или взрывчатых веществ, вооружения, взрывных устройств, огнестрельного оружия, его составных частей или компонентов, боеприпасов, ядерного, химического, биологического или других видов оружия массового поражения или его основных частей, материалов и оборудования, кото-

рые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, совершенное помимо или с сокрытием от таможенного контроля, либо с обманным использованием документов или средств идентификации, либо сопряженное с недекларированием или заведомо недостоверным декларированием».

Как видно, предмет контрабанды — конститутивный признак состава преступления, и ч. 1 и 2 ст. 228 УК различаются именно по предмету. Иначе говоря, если в ч. 1 ст. 228 УК идет речь о товарах и иных ценностях, запрещенных или ограниченных к такому перемещению, то в ч. 2 ст. 228 УК указанные предметы ограничены в гражданском обороте, что заставляет вести речь о совершенно другом объекте преступного посягательства, отличающемся от содержащегося в ч. 1 ст. 228 УК. Само по себе это обстоятельство делает контрабанду юридически неоднородной.

Социальная характеристика предметов, перечисленных в ч. 2 ст. 228 УК, обусловлена тем, что в силу своих свойств, все они — источники повышенной опасности. Оборот этой группы предметов необходимо поставить под жесткий контроль со стороны государства для обеспечения общественного порядка, общественной безопасности и здоровья населения [2, 12; 3, 15—16]. Поэтому при несоблюдении правил провоза через таможенную границу указанных в ч. 2 ст. 228 УК предметов нарушаются не экономические отношения, а иные: отношения в области общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и т. д.

Очевидно, что в такой ситуации оборот предметов, представляющих в связи со своими качественными характеристиками повышенную опасность для общества и являющихся предметом контрабанды, должен получить специальную регламентацию в уголовном законе. Это объясняется тем, что сделки с предметами, ограниченными в гражданском обороте, полностью или частично запрещены законодательством в целях обеспечения обороноспособности государства, общественной безопасности, здоровья населения и т. д.

Сказанное позволяет утверждать, что в ч. 1 и 2 ст. 228 УК под уголовно-правовую охрану поставлены различные объекты, которые не могут быть соединены в одной главе уголовного закона. Лишь контрабанда предметов, указанных в ч. 1 ст. 228 УК, может быть отнесена к группе преступлений против порядка осуществления экономической деятельности. Специфика же предметов контрабанды, указанных в ч. 2 ст. 228 УК (предметы, ограниченные или изъятые из гражданского оборота), такова, что едва ли можно говорить о том, что их незаконное перемещение через таможенную границу нарушает экономические интересы государства [4, 22] и установленный порядок осуществления экономической деятельности. Вследствие этого необходимо исключить ч. 2 ст. 228 УК из общего состава контрабанды. Предмет контрабанды, указанный сегодня в ч. 2 ст. 228 УК, должен содержаться в специальной самостоятельной норме, например, в гл. 32 УК «Преступления против государства» или иной другой главе УК.

Следует сказать, что по такому пути уже пошли некоторые государства. Например, законодатели Украины и Казахстана выделили в самостоятельный состав преступления контрабанду предметов, ограниченных в обороте, т. е. наркотических средств и психотропных веществ, помещая соответствующие статьи в разделах, объединяющих преступления против здоровья населения и общественной безопасности, подчеркивая таким образом опасность данного деяния и его значимость для государства. Такой же принцип заложен в Модельном уголовном кодексе для государств — участников СНГ.

Установление уголовной ответственности за *невозвращение на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей* (ст. 230 УК) главным образом имело и имеет своей целью сохранение культурного до-

стояния нашего государства. Это и вполне понятно, ибо преступные посягательства на историко-культурные ценности характеризуются повышенной общественной опасностью. Потенциальная возможность утраты уникальных произведений искусства, и как следствие, причиненный ущерб от этого имеет невосполнимый характер, влечет угрозу потери соответствующих ценностей как для общества, так и для государства.

Однако вряд ли можно данное преступление отнести к разряду «экономических», т. е. посягающих в действующей терминологии уголовного закона на порядок осуществления экономической деятельности. Как раз-таки общественная опасность невозвращения на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей связана не с нарушением порядка осуществления экономической деятельности (об отнесении данного преступления к экономическим может свидетельствовать только один формально-юридический признак — перемещение историко-культурных ценностей через таможенную границу, который никак не является предопределяющим), а с невозможностью дальнейшего использования историко-культурных ценностей, разрывом исторической преемственности в формировании культуры, мировоззрения, нравственности.

Не следует забывать, что историко-культурные ценности изначально имеют принципиально иную социальную и правовую характеристику по сравнению с обычными материальными ценностями [4, 29], и здесь наличие сходство данного преступления (ст. 230 УК) с уголовно-правовым запретом, связанным с уничтожением либо повреждением историко-культурных ценностей (ст. 344, 345, 346 УК). Поэтому невозвращение на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей имеет большую социально-правовую обусловленность с преступлениями против общественного порядка и общественной нравственности, чем с преступлениями против порядка осуществления экономической деятельности, тем более что неясен сам критерий, на основании которого законодатель отнес данное противоправное деяние к гл. 25 УК РБ. Нельзя любой оборот имущества, совершаемый в нарушение установленных правил, автоматически приравнивать к блоку преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности, поэтому необходимо уяснять содержание иных критериев, на основании которых произошла криминализация общественно опасного деяния и признаков его детерминирующих. В данном же случае, совершая такое преступление, как невозвращение на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей, лицо не преследует непосредственно получение имущественной выгоды, прямо диспозиция ст. 230 УК об этом не говорит, поэтому в такой ситуации имущественная выгода может быть извлечена косвенным путем.

Скорее, в данной ситуации объектом невозвращения на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей является государственный и общественный интерес, заключающийся в состоянии защищенности историко-культурных ценностей, временно вывезенных за пределы территории страны, установленный порядок возвращения историко-культурных ценностей, нежели нарушение принципов экономической деятельности.

Норма о *воспрепятствовании законной предпринимательской деятельности* (ст. 232 УК) по замыслу законодателя призвана была охранять конституционное право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для занятия предпринимательской деятельностью. Эта статья уголовного закона должна была в какой-то степени стать гарантией от произвола чиновников, которые по различным причинам могли препятствовать в реализации вышеупомянутого права.

Согласно ст. 232 УК, ответственность устанавливается для должностного лица, которое с использованием своих полномочий: а) неправомерно от-

казывает в регистрации или уклонении от регистрации индивидуального предпринимателя или юридического лица; б) неправомерно отказывает в выдаче или уклоняется от выдачи индивидуальному предпринимателю или юридическому лицу специального разрешения или лицензии на осуществление определенной деятельности; в) противозаконно ограничивает права или интересы индивидуального предпринимателя либо должностного лица; г) противозаконно вмешивается в предпринимательскую деятельность. Причем для наличия ст. 232 УК необходимо, чтобы такого рода неправомерные действия должностного лица повлекли причинение ущерба в крупном размере.

Однако теоретико-правовой анализ практики правоприменения данной нормы (а вернее, отсутствие такой практики) заставляет прийти к выводу, что рассматриваемая норма вряд ли нужна как элемент уголовно-правового регулирования отношений в сфере предпринимательства. По сути своей, воспрепятствование законной предпринимательской деятельности должностным лицом является частным случаем злоупотребления властью или служебными полномочиями (ст. 424 УК). По крайней мере, об этом явно свидетельствует используемая законодателем в ст. 232 УК формулировка «при отсутствии признаков более тяжкого должностного преступления». Получается, что если, например, воспрепятствование законной предпринимательской деятельности совершено из корыстной или иной личной заинтересованности либо повлекло тяжкие последствия, или совершено должностным лицом, занимающим ответственное положение и т. д., ответственность должна наступать по ч. 2 или ч. 3 ст. 424 УК. Однако на каком же основании деяние, являющееся объектом преступлений против порядка осуществления экономической деятельности, меняет свой объект и становится преступлением против интересов службы. Только лишь на том, что оно совершено из корыстной или иной личной заинтересованности либо причинило тяжкие последствия? Вряд ли.

Создается впечатление, что степень общественной опасности содеянного зависит не от важности содеянного или охраняемого объекта, а от того, какой нормативный правовой акт нарушило должностное лицо, мотива совершенного преступления, причиненного ущерба, ранга должностного лица и т. п. Оказывается, что законодатель выделил из общего привилегированный состав должностного преступления, что вряд ли имеет какое-либо обоснование. Конечно, можно было бы видеть социально позитивный смысл выделения специального состава воспрепятствования законной предпринимательской деятельности в стремлении законодателя подчеркнуть особую важность такого правоохраняемого объекта, как свобода и конституционные гарантии предпринимательской деятельности [5, 156], однако считаем, что место такой статьи должно быть в главе о преступлениях против интересов службы (гл. 35 УК), а не против порядка осуществления экономической деятельности (гл. 25 УК), ибо основной критерий здесь не сфера экономики, а порядок осуществления экономической деятельности хозяйствующим субъектом.

Определенного рода вопросы возникают и относительно причинения ущерба в крупном размере, потому как должен быть подсчитан размер ущерба (в виде реального ущерба и упущенной выгоды) и доказана причинная связь между незаконной деятельностью должностного лица и причиненным ущербом. Каков в данном случае критерий подсчета упущенной выгоды и как, например, его определить в случае неправомерного отказа в регистрации или уклонении от регистрации индивидуального предпринимателя или юридического лица (тем более что по своему содержанию понятие «крупный ущерб» может полностью или частично входить в понятие тяжких последствий, предусмотренных в ч. 3 ст. 424 УК)? В юридической литературе также отмечается, что если в результате воспрепятствования

предпринимательской деятельности причинен ущерб не в крупном размере, то должностное лицо будет нести дисциплинарную, административную или уголовную ответственность (за преступления против интересов службы) [6, 84]. Однако получается весьма интересная ситуация: при отсутствии признаков ст. 232 УК ответственность может наступить по ст. 424 УК, причем наказание по ч. 1 ст. 424 УК лицо может понести адекватное тому, если бы в его действиях присутствовали все признаки ст. 232 УК. Выходит, что какое бы противоправное деяние в данной области лицо ни совершило, ответственность оно все равно будет нести одинаковую.

Наряду с этим законодатель неоправданно раздробил воспрепятствование законной предпринимательской деятельности на отдельные, взаимопоглощающие деяния. Так, используемая формулировка «противозаконное ограничение прав и интересов» вполне включает в себя перечень иных деяний, содержащихся в диспозиции ст. 232 УК.

Существует ли сегодня настоятельная необходимость устанавливать уголовную ответственность в самостоятельной норме за безмотивные действия должностных лиц, посягающих на законные права и интересы индивидуальных предпринимателей или юридических лиц? Охрана одного и того же объекта посягательства — права на свободную предпринимательскую деятельность — разными статьями УК вряд ли может быть каким-то образом оправдана [7, 77—78]. Представляется не совсем оправданным криминализировать действия, перечисленные в ст. 232 УК, не связанные с целью извлечения имущественной или иной личной выгоды.

Нельзя не согласиться с тем, что в данном случае законодатель попросту пренебрег системным принципом построения уголовного закона в угоду казуистическому изложению уголовно-правовых запретов. «Перенасыщение» закона специальными нормами и приводит к тому, что эти нормы игнорируются правоприменителем [8, 71]. И если уж до конца быть последовательным, то более эффективным было бы не уголовно-правовыми средствами регулировать отношения в сфере экономической деятельности, а ликвидировать в самой экономике те полномочия чиновников, которые и позволяют препятствовать осуществлению законной предпринимательской деятельности. В этом отношении разрешение данной проблемы может быть достигнуто путем исключения ст. 232 из УК либо переносе ее (предварительно видоизменив) в главу о преступлениях против интересов службы.

Также обратим внимание, что субъекты хозяйствования способны выступать в качестве потерпевших в случае посягательства на их деловую репутацию. В настоящее время преступным и наказуемым в уголовно-правовом порядке признается *«распространение индивидуальным предпринимателем или должностным лицом юридического лица в рекламе, средствах массовой информации и иным способом заведомо ложных сведений, наносящих вред деловой репутации конкурента»* (ст. 249 УК). Как видно, данная норма размещена в гл. 25 УК и тем самым констатируется, что уголовный закон сориентирован на привлечение к ответственности за распространение заведомо ложных сведений, порочащих деловую репутацию конкурента (субъекта хозяйствования), только в экономической сфере.

Между тем, в настоящее время и юридическая теория, и судебная практика допускают существование репутации не только в экономической, но и в других сферах общественной жизни [9, 58—61] (например, в политической, спортивной, здравоохранении, шоу-бизнесе и т. д., где можно говорить о деловой репутации политических партий, общественных объединений, профессиональных спортивных клубов, медицинских клиник). Поэтому можно было бы говорить о перенесении ст. 249 УК в гл. 22 или 23 УК. В этой связи следует отметить, что раздел VII УК уже давно содержит такие составы преступлений, в качестве потерпевших от которых прямо указаны всевозможные организации: избирательные комиссии (ст. 191 УК), общест-

венные объединения (ст. 194 УК), религиозные организации (ст. 195 УК), правообладатели (ст. 201 УК).

Отсутствие правоприменительной практики по данной статье объясняется тем, что на законодательном уровне не предложен критерий отграничения в данном случае преступления от правонарушения, вследствие чего субъекты хозяйствования чаще прибегают к гражданско-правовому способу защиты своих прав и интересов, нежели в частном порядке обращаются с заявлением о возбуждении уголовного дела. Это объясняется тем, что в отличие от исков о защите деловой репутации в гражданском (хозяйственном) процессе распространитель сведений в уголовном процессе не обязан доказывать соответствие их действительности. Обязанность доказывания, что распространенные сведения не соответствуют действительности, возлагается на органы, осуществляющие уголовное преследование. Поэтому альтернативной мерой может являться перевод ст. 249 УК в состав административных правонарушений либо вообще исключения из числа публичной ответственности.

Сказанное вполне можно отнести и к составам преступлений, предусмотренных ст. 252 УК (*коммерческий подкуп*) и ст. 253 УК (*подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов*). Что же должны охранять данные нормы: общественные отношения, обеспечивающие порядок экономической деятельности, или интересы службы в коммерческих и иных организациях?

Примечательно, что комментаторы уголовного закона объектом данных преступлений признают: а) порядок осуществления функций лицами, не являющимися должностными, работниками индивидуальных предпринимателей (ст. 252 УК); б) порядок проведения профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов (ст. 253 УК). То есть статьи, находящиеся в главе о преступлениях против порядка осуществления экономической деятельности, призваны защищать не экономическую деятельность как таковую, а иной порядок — осуществление различных функций лицами, не являющимися должностными.

На основании этого, когда мы говорим о коммерческом подкупе (ст. 252 УК) или подкупе участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных конкурсов, то вовсе не экономические отношения являются здесь ядром, не они подвержены посягательствам, а иные отношения — против интересов службы. Однако ответственность за совершение преступлений против интересов службы установлена в гл. 35 УК. В этой части совсем непонятно, почему, например, принятие работниками государственного органа либо иной государственной организации, не относящимися в соответствии с законодательством к должностным лицам и осуществляющими деятельность, связанную с непосредственным удовлетворением нужд, запросов и потребностей населения, имущества или другой выгоды имущественного характера, помимо предусмотренной законодательством оплаты труда, будет относиться к преступлениям против интересов службы (ст. 433 УК), а получение работником индивидуального предпринимателя или юридического лица, не являющимся должностным лицом, денег, ценных бумаг, иного имущества или услуг имущественного характера за действие (бездействие) в интересах дающего, связанное с выполняемой этим лицом работой и заведомо способное причинить вред интересам собственника или его клиента, — к преступлениям против порядка осуществления экономической деятельности (ст. 252 УК).

Видеть разницу здесь лишь только в том, что определенное лицо работает в государственной организации или органе, значит ставить знак неравенства между формами собственности (государственной и частной). По сути, такое положение вещей устанавливает неравные условия привлечения

лиц, не являющихся должностными, к уголовной ответственности за одинаковые деяния против интересов службы в государственных и негосударственных организациях. Так, руководитель ОАО за противоправное получение денег, совершенное вопреки интересам службы, несет уголовную ответственность как за преступление против интересов службы (гл. 35 УК), а работник этого ОАО, не являющийся должностным лицом, за совершение аналогичного деяния будет отвечать как за экономическое преступление (гл. 25 УК). Между тем, существенным признаком коммерческого подкупа является получение работником индивидуального предпринимателя или юридического лица вознаграждения за уже совершенное или планируемое не любое деяние, а за действие или бездействие, связанное с исполняемой им работой [10, 45].

Поэтому тот же коммерческий подкуп (ст. 252 УК) посягает не столько на отношения экономического характера, сколько на иные отношения, характеризующие интересы службы в коммерческих и иных организациях (у индивидуального предпринимателя), которые далеко не всегда имеют выраженный экономический характер. Интересы службы в данном случае заключаются в правильном и надлежащем исполнении лицами, не являющимися должностными, в соответствии с возлагаемыми на них задачами своих обязанностей на благо этих организаций (индивидуального предпринимателя), но не в ущерб законным интересам собственника или его клиента. Следовательно, опасность коммерческого подкупа состоит не в том, что кому-то причиняется вред, а в том, что лицо использует предоставленные ему возможности по службе для незаконного обогащения.

Подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов (ст. 253 УК) также не может быть отнесен к разряду деяний, посягающих против порядка осуществления экономической деятельности. Профессиональный спорт и шоу-бизнес можно в какой-то степени отнести к сфере экономики (сфера экономики и порядок осуществления экономической деятельности — неравнозначные понятия), но в большей степени это противоправное деяние посягает на отношения, содержание которых составляет служба в организациях, устраивающих и проводящих профессиональные спортивные соревнования либо зрелищные коммерческие конкурсы.

Вред объекту причиняется не столько нарушением порядка проведения экономической деятельности, сколько фактом получения спортсменами, судьями и иными лицами незаконного вознаграждения. Сами по себе спортивные состязания или коммерческий конкурс в отличие от хозяйственной конкуренции не имеют экономического характера. Деятельность участников этих состязаний и отношения, складывающиеся в связи с осуществлением такой деятельности, не являются отношениями экономическими (хозяйственными) [11, 538—539] и не посягают на порядок их проведения.

Вопрос об отнесении ст. 258 УК (*незаконное изготовление, использование либо сбыт государственных пробирных клейм*) к разряду «экономических» также остается дискуссионным. На сегодняшний день в юридической литературе нет однозначного мнения по поводу содержания объекта данного преступления. Дело в том, что нарушение правил изготовления и использования государственных пробирных клейм наносит вред не столько законным интересам участников экономического оборота изделий из драгоценных металлов, сколько установленному порядку государственного контроля за оборотом данных изделий.

Анализ объективной стороны и особенностей субъекта данного преступления даст основание полагать, что законодатель не вполне точно определил место ст. 258 УК в главе о преступлениях против порядка осуществления экономической деятельности. Поскольку в ст. 258 УК речь идет о незаконном изготовлении, сбыте, использовании государственного про-

бирного клейма, то в первую очередь нарушаются отношения, обеспечивающие интересы государственного регулирования производства драгоценных металлов и изделий из них. Представляется, что в такой ситуации данная уголовно-правовая норма должна быть размещена в гл. 33 УК.

Введение самостоятельной уголовной ответственности в качестве преступления против порядка осуществления экономической деятельности за *фальсификацию средств измерения* (ст. 259 УК) также не было до конца продуманным шагом в части помещения данного состава преступления в гл. 25 УК. Дело в том, что объектом данного преступления является установленный порядок изготовления и использования средств измерений. Причем данные измерительные приборы и инструменты, которые подпадают под сферу действия государственного метрологического надзора, могут использоваться не только в экономической сфере, но и при заключении различного рода сделок в гражданском обороте лицами, которые не занимаются предпринимательской или иной экономической деятельностью.

На сегодняшний день для квалификации преступных действий по ст. 259 УК значение не имеет то обстоятельство, в какой именно сфере человеческой деятельности планируется использовать фальшивые измерительные приборы и инструменты, — в торговле, при предоставлении услуг, в медицинской деятельности, при осуществлении контроля за качеством и безопасностью продуктов питания, состоянием окружающей среды, безопасностью условий труда и т. д. Очевидно, что фальсификация средств измерений будет нарушать не порядок осуществления экономической деятельности, а общественные отношения в сфере обеспечения единства измерений, где первостепенное значение отведено защите от последствий недостоверных результатов измерений. Неправильные измерения могут иметь своим последствием принятие ошибочного технического, управленческого или другого решения, реализация которого будет создавать опасность для людей, окружающей среды (например, опасность неожиданного стихийного бедствия, катастрофы, аварии, радиоактивного заражения) или непосредственно наносить значительный материальный или иной вред. Таким образом, фальсификация средств измерения является преступлением против порядка управления, а не против порядка осуществления экономической деятельности, и данная уголовно-правовая норма должна быть размещена в гл. 33 УК. Если подходить иначе, то равным образом можно было бы признать «экономическим» преступлением подделку, изготовление, использование либо сбыт поддельных документов, штампов, печатей, бланков (ст. 380 УК) или выпуск либо реализацию недоброкачественной продукции (ст. 337 УК), однако здесь отсутствуют признаки, на основании которых такие деяния можно считать преступлениями, совершаемыми в экономической системе.

Как видно, в настоящее время отсутствует законодательное определение понятия «экономическая деятельность», более того, нет ее общепризнанного определения и на доктринальном уровне. Трудности в определении экономических преступлений заключаются также и в том, что почти все эти преступления («экономические») причиняют вред отношениям собственности, а отсюда можно сделать вывод о практической невозможности четкого и однозначного разграничения преступлений против собственности и порядка осуществления экономической деятельности.

Если исходить из того, что в основе экономической деятельности лежит собственность, которая является базисом последующей экономической деятельности, то последняя (экономическая деятельность) является производной от своей основы. Фактически нормы о преступлениях против порядка осуществления экономической деятельности образовались в результате их вычлечения из числа имущественных, поэтому в основе своей они имеют (или сохранили) имущественный характер. По существу, любые имущест-

венные отношения имеют свое, более или менее выраженное экономическое содержание, а в этой связи конечная цель преступлений против порядка осуществления экономической деятельности — переход права собственности на имущество.

Сегодня можно констатировать также и то, что произошел распад того «классического» состояния частной собственности, когда решение вопросов технико-производственного, экономического, управленческого характера совмещалось в деятельности конкретного лица (одного индивида), обладающего статусом собственника. Титул собственника в современной рыночной экономике оказался расщепленным. Когда реально собственностью владеет несколько лиц (например, акционерные общества и товарищества), статус собственника практически отдален от реального контроля над объектом собственности, появляются новые категории социальных групп (управляющие, менеджеры), процессы производства, обмена, распределения и потребления материальных благ и услуг также видоизменяются. Можно сказать, что имущественные преступления трансформировались в экономические, но последние сегодня отнюдь не выделились в самостоятельную группу.

По нашему мнению, к числу наиболее значимых признаков преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности, при всем их разнообразии можно отнести следующие: преступления, совершаемые в гражданском (экономическом) обороте; преступления, совершаемые с целью получения экономической выгоды и наносящие вред охраняемым отношениям (интересам); преступления, носящие умышленный и, как правило, корыстный характер.

Иначе говоря, можно сказать, что рассматриваемые общественные отношения в экономической системе только тогда становятся объектом преступления, когда их социальное ядро (интерес) обретает правовую оболочку. В существующем же уголовном законе разделение преступлений против собственности и преступлений против порядка осуществления экономической деятельности носит весьма условный и скорее искусственный характер. Интерес субъектов состоит не только в охране принадлежности материальных ценностей, но и в их надлежащем обороте.

Исходя из изложенного, можно выделить следующие значимые признаки, подлежащие оценке при возможной криминализации отношений в процессе осуществления экономической деятельности ее субъектами: а) экономическая деятельность носит имущественный характер и осуществляется в гражданском обороте; б) экономическая деятельность, осуществляемая ее субъектами, направлена на извлечение прибыли, т. е. на получение имущественной выгоды; в) экономическая деятельность подлежит некой оценке, выраженной в ее денежном (стоимостном) эквиваленте; г) экономическая деятельность по своей сути связана с оборотом имущественных ценностей. Эти признаки и следует учитывать при конструировании гл. 25 УК.

Литература

1. Гиряев, Г.С. Криминологическая характеристика и уголовно-правовые меры противодействия контрабанде: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Г.С.Гиряев; СПб.: Ин-т МВД Рос. Федерации. — СПб., 2005.
2. Розумань, И.В. Уголовная ответственность за контрабанду (по материалам Сибирского федерального округа): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / И.В.Розумань; Омская акад. МВД Рос. Федерации. — Омск, 2005.
3. Рогатых, Л.Ф. Квалификация контрабанды / Л.Ф.Рогатых. — СПб.: Ин-т Генер. прокуратуры РФ, 1999.
4. Кочубей, М.А. Криминологическое и уголовно-правовое обеспечение экономической безопасности Российской Федерации в сфере таможенной деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / М.А. Кочубей; Акад. упр. МВД Рос. Федерации. — М., 2005.

5. Волженкин, Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России / Б.В. Волженкин. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2007.
6. Лукашов, А.И. Преступления против порядка осуществления экономической деятельности: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации / А.И. Лукашов. — Минск: Тесей, 2002.
7. Устинова, Т.Д. Правовая оценка статьи 169 УК РФ / Т.Д. Устинова // Законодательство. — 2004. — № 4.
8. Горелов, А.П. Почему не применяются нормы об ответственности за экономические преступления / А.П. Горелов // Законодательство. — 2003. — № 11.
9. Тарбагаев, А. Репутация юридического лица как объект преступного посягательства при клевете и оскорблении / А. Тарбагаев А. Глисков // Уголовное право. — 2011.
10. Грунтов, И. Коммерческий подкуп как преступление / И. Грунтов // Судовы весн. — 1995.
11. Клепицкий, И.А. Система хозяйственных преступлений / И.А.Клепицкий. — М.: Статут, 2005.

*Статья поступила
в редакцию 14.12. 2011 г.*

А.В. ГРИГОРЬЕВ

РОЛЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В УКРЕПЛЕНИИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА СССР В 30-Е ГГ. XX В.

Конец 20-х гг. XX в. характеризовался сложившейся административно-командной системой и становлением тоталитарного политико-правового режима, для осмысления которого необходим историко-правовой анализ организационных и правовых основ создания и деятельности Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) СССР и его республиканских филиалов.

Проводимая индустриализация и насильственная коллективизация сельского хозяйства конца 20-х — начала 30-х гг. XX в. выступали предпосылкой создания в стране административно-командной системы управления. Изменения коснулись как государственного аппарата в целом, так и его звеньев в отдельности. В частности, с целью централизации управления аппаратов уголовного розыска и милиции в масштабе всего СССР в декабре 1930 г. был ликвидирован НКВД союзных республик. Также 15 декабря 1930 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О ликвидации народных комиссаров внутренних дел союзных и автономных республик» [1]. В этой связи 22 декабря 1930 г. постановлением ЦИК и СНК БССР был ликвидирован НКВД БССР [2, 1—3]. В свою очередь республиканские органы милиции начали осуществлять деятельность на основе постановления СНК СССР от 25 мая 1931 г., утвердившего первое общесоюзное «Положение о рабоче-крестьянской милиции» [3], которое юридически закрепляло единые задачи милиции в масштабе всего Советского Союза, общие принципы ее организации. Особенностью данного положения явилось закрепление прав и обязанностей рабоче-крестьянской милиции. Данное обстоятельство было связано с тем, что после образования СССР возникла необходимость объединения усилий республик в деле обеспечения охраны общественного порядка в общегосударственном масштабе, поскольку отсутствие общесоюзного органа привело к организационному разнобою в системе и

Александр Владимирович ГРИГОРЬЕВ, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

□□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□. □□□□□□□□.
□□□□□□□□ □□□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□ □□□□□□□□. □□□□□□□□.